

Слово въ день Новаго Года *).

Духъ животаоритъ, плоть не пользуется
ни мало (Иоан. VI, 63).

Въ каждомъ городѣ новогодняя ночь представляетъ собою нечто необыкновенное для общественной жизни. Цѣлыя толпы, именующихъ себя, христіанами, сѣшать на „Валтасаровы пиршества“, гдѣ въ шумномъ весельѣ, при звонѣ бокаловъ, наполненныхъ нескромныхъ виномъ продолжаютъ святочнѣй разгуль, какъ-бы насмѣхаясь надъ Божественнымъ Престомъ, пишущимъ на скрижаляхъ сердца каждаго христіанина, вкоренъ забывшагося, страшныя слова... — „мене, мене, текел, Ушаренигъ“ (Дан. 5-й)... И только немногіе вѣрующіе, по примѣру древнихъ христіанъ, тихо, въ тоскѣ, тревогѣ, въ глубокомъ раздумьѣ, идутъ въ храмъ Божій, чтобы вновь найти несомнѣтельное подтвержденіе благодати Божіей на болѣзненно-жгучій вопросъ—что „породитъ намъ находящій годъ“ (Прем. 3, 28).

Для многихъ мудрецовъ вѣка сего не чужды никакіе руководящія принципы жизни въ грядущее лѣто, но мы, братіе христіане, трепетно разогнемъ книгу Вѣчной Жизни—св. Евангеліе, по примѣру Христа, открывшаго книгу ветхозавѣтнаго евангелиста, что бы тамъ благоговѣбно прочесть для новаго укрѣпленія въ памяти основныя принципы христіанской жизни: „*духъ животворитъ, плоть не пользуется ни мало*“.

Этимъ принципомъ вовсе не отрицается чистая христіанская радость. Сынъ человѣческой благословилъ дать веселье на бракъ въ Канѣ, но здѣсь же совершилъ свое первое чудо, т. е. и въ обыцовой сферѣ сохранилъ высшую настроенность духа, что явно подтвердилось превращеніемъ воды въ вино. И по объясненію св. отцовъ и учителей Церкви „нельзя нигдѣ забывать духа жизни нашей—св. вѣры“, и слѣдизъ религіи нельзя дѣлать какую-то праздничную вещь, въ родѣ платья, свиткомъ наряднаго для ежедневной носки, которое торжественно надѣваютъ въ важныхъ случаяхъ и особенно припрятываютъ, когда важный случай проходить.

Вотъ это-то припрятываніе христіанской настроенности, иначе говоря, подчиненіе духа плоти безусловно осуждается христіанствомъ. Все дозволяется, что присуще человѣческому духу, лишь-бы не было при-

*) Для интеллигентныхъ слушателей.

страстія къ чему либо до забвенія заповѣдей Божіихъ, лишь-бы само веселье не сдѣлалось предметомъ постоянныхъ грезъ и надеждъ, такъ что служеніе животворящему духу начинаетъ казаться человѣку *податью*, которую нужно ему выплачивать повременно и отъ которой онъ свободенъ между сроками платежа; другими словами говоря—новогоднюю ночь повеселяюсь, а на утро побѣду въ храмъ, что-бы послѣ храма начать новое пироваанье... Такое совмѣщеніе, конечно, по существу своему невозможно, такъ какъ внутреннее значеніе дѣлъ человѣческихъ зависить главнымъ образомъ отъ внутренней движущей ихъ силы: граммофонъ можетъ исполнить священныя пѣснопѣнія и мелодія можетъ быть лучше чѣмъ м. б. самыя святаы уста спюють ихъ, но ему никто не припишетъ духовнаго тяготѣнія къ небу! Тоже и здѣсь. Когда св. Церковь полночнымъ звономъ—время, по древнему преданію, второго и славнаго пришествія Христова зоветъ вѣрныхъ чадь своихъ для того, чтобы предстать предъ Лицо Божіе и непросить Божье благословеніе въ наступающее „лѣто“, несомнѣнно христіанину невозможно быть участникомъ безславнаго пришествия плоти.

Такъ должно разсуждать по евангельски. Но и человѣческой разумъ, свободный отъ идеи дуса времени, неизбѣжно придетъ къ тому-же выводу.

Обычно, жизнь человѣческая унодобляется безбрежному морю: какъ въ морѣ воды, одна волна поднимается за другой, одна волна подхлестываетъ другую, а другая третью, такъ и «годы, какъ волны, уносятъ дни наши въ безпредѣльное море вѣчности». Но, по замѣчанію одного ученаго богослова—старца, если въ началѣ жизни человѣческой в волны морскихъ, такъ много сходнаго, то нѣтъ ничего подобнаго въ ихъ завершеніи: поднялась волна морская, разрослась до возможныхъ предѣловъ и затѣмъ... разбилась, разлетѣлась въ мелкія брызги и не осталось послѣ нея никакого слѣда; все егало тихо и спокойно на гладкой поверхности моря. Не то творится въ жизни людской! Промедшее — мое; оно — я самъ; оно — часть моей жизни; и никакая сила не возьметъ его отъ меня, не изгладитъ того, что въ немъ написано. Посмотришь на него, улыбнешься радостно, посмотришь другой разъ -- отъ стыда закроешь лицо руками: страницы книги жизни улетѣвшаго года неперены записями постыдныхъ долговъ и Богу и людямъ, веселей, не оплаченныхъ въ срокъ, измѣнъ нравственному долгу и завѣтнымъ идеаламъ— «начавши духомъ, скон-

часть плотию! И вот... въ то время, когда еще разъ отверзаются врата вѣчности, и голосъ совѣсти человѣческой громко вопіетъ о нарушенныхъ иделахъ, а сердце трепетно бьется учащеннымъ темпомъ мысль невольно останавливается на страшномъ моментѣ частнаго суда, суда ежегоднаго, прообраза всеобщаго пелицентричнаго суда Вѣчнаго Суда. Все говоритъ человеку въ эти таинственныя минуты, что жизнь его... куда-то поворачивается... куда?... неизвѣстно...

Время-ли братья за стаганъ, протягивая руку для крѣпкаго рукопожатія?! Не *требуютъ-ли сердце человеческое* вдумчиваго отношенія къ жизни, къ самому себѣ и къ своей дѣятельности? Не время-ли подать самому себѣ неписанный, но безошибочный отчетъ всего явнаго и тайнаго, такъ какъ прежній кругъ жизни законченъ — открывается новый, неизвѣстный кругъ. Безконечно тяжки минуты неизвѣстности!

Но, братья, въ такія именно минуты горизонтъ нашъ просвѣтляется и вглядѣ, отуманенный облакомъ лютейшихъ заботъ, начинаетъ представлять всматриваться въ ту ясную даль, гдѣ лежатъ наше „единое на потребу“, гдѣ Промыслъ Божій таинственно скрываетъ до времени судьбу своего созданія. И въ то время, какъ христіанинъ созерцаетъ въ храмѣ Божіемъ сонмъ святыхъ угодиаковъ, любившихъ Христа и неслабно борющихся съ грѣховнымъ міромъ; отъ нихъ переносятъ свой умственный взоръ на братьевъ по вѣрѣ, въ разныхъ мѣстахъ вселенной совершающихъ новогоднее богослуженіе, участивъ „Валтасарова пириества“ съ большой головой и тоской на сердцѣ всю жизнь свою созерцаетъ, какъ тяжкое похмелье! Не можетъ увидѣть чудной, лучезарно-сіяющей дали взоръ, отуманенный виномъ, сердце, неопознание земель похотѣній воля, ослабѣвшая отъ внутренней бездѣтельности. Не звонъ бокаловъ, а звонъ церковныхъ колоколовъ будить совѣсть человѣческую и заставляетъ подумать человека о своемъ прошломъ — неотъемлемой части своего бытія не только земнаго, но и небеснаго; только тогда сознательно пойметъ человекъ жизненность и дѣятельность словъ Христа Спасителя: духъ животворить, плоть же не пользуетъ ни мало. До веселья-ли тутъ, до шумнаго-ли разгула, когда трепетная душа жаждетъ очищенія, хочетъ бесѣды съ Богомъ, проситъ молитвы и слышитъ предостерегающій голосъ Великаго Предтечи перваго пришествія Христова: уже и събира при корифъ дерева лежать; всякое дерево, не приносящее плода, порубаютъ и въ огонь бросаютъ“ (Мрк.). Хорошо

знаетъ христіанская душа, что съ насъ спросится отчетъ не за день, не за мѣсяць, даже и не за годъ, а за цѣлую жизнь! Хорошо помнить и то, что она можетъ быть и есть то дерево, которое оставить. Виноградарь еще лишь на одинъ годъ!

«Да будутъ же чресла наши пренесаны и свѣтазмики горящи, и мы, подобно рабамъ, ожидающимъ пришествія Господина Своего (Лук.)». Ему же честь и слава во вѣки вѣковъ.

Святи. В. Соколовскій.

Христіане, не оскверняйте праздниковъ — не пейте спиртныхъ напитковъ и не угощайте ими.

Приближаются праздники. Началась подготовка къ нимъ. Многие спѣшатъ закупить къ праздникамъ вино, водку, пиво. Остановитесь! Устыдитесь! Подумайте: ничья христіане такъ не позорятъ себя, какъ своимъ поведеніемъ въ праздники. Праздники — *святые* дни, по повелѣнію Божию, мы должны «освящать» (Нех. 20 гл. 8 ст.) ихъ дѣлами духовными — святыми, — отрѣшеніемъ отъ обычныхъ будничныхъ заботъ для прославленія молитвою Господа за Его добродѣтели къ намъ, для отдохновенія и освѣженія духа и тѣла. А у насъ, у православныхъ христіанъ, празднованіе сводится, главнымъ образомъ, къ разгулу и пьянству, и чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ больше пьянства, а съ нами разврата, сквернословія, ссоръ, дракъ съ увѣчьями и хулиганства. Гостиницы, пивны, трактиры, шинки переполняются празднующимъ людемъ. Водка, пиво, вино льются рѣкой, люди разнуздываются во всю и валяются въ грязь, какъ свиньи. Не скажетъ-ли и намъ Господь, какъ некогда евреямъ: праздники ваши ненавидятъ душа Моя (Ис. 1, 14)». И это христіанскій праздникъ? и это христіане, обязанные согласовать свою жизнь съ завѣтомъ Христа, запретившаго «отягчаться» пьянствомъ (Лук. 21, 34)? И такъ ведутъ себя христіане въ тѣ дни, въ тѣ моменты годовой жизни своей, когда они по преимуществу должны явиться христіанами. Такъ позорятъ они свое христіанское званіе въ то время, когда нужно ожидать отъ нихъ особенно горячей одушевленной всенародной молитвы къ Господу: «Да святится Имя Твое!» О люди! есть-ли у васъ слезы? Вотъ предметъ, достойный моря слезъ! Доволь христіане